

УДК: 913:910.1

DOI: 10.35595/2414-9179-2023-2-29-121-136

А.Г. Манаков¹, Л.Б. Вампилова², Ф.Н. Лисецкий³, Ж.А. Буряк⁴

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СДВИГОВ В РАССЕЛЕНИИ ОСНОВНЫХ НАРОДОВ КРЫМА С 1926 ПО 2014 гг.

АННОТАЦИЯ

Несмотря на значительную картографическую проработанность тематики, связанной с динамикой этнического состава населения Крыма в XX в. и начале XXI в., имеется один из аспектов этнодемографической динамики, который в меньшей степени изучен с помощью картографического метода. Целью исследования является выявление сдвигов в расселении основных народов Крыма (русских, украинцев и крымских татар) в течение XX в. и начале XXI в. Весь период картографического исследования разделен на два временных интервала — с 1926 по 2001 гг. и с 2001 по 2014 гг. Интервал с 1926 по 2001 гг. дал возможность сравнить расселение крымских татар до депортации (1944 г.) и после основного этапа их репатриации (1990-е гг.). К 2001 г. стала повышенной концентрация крымских татар в северной, степной части полуострова, что объясняется ограничениями в их проживании на первом этапе их репатриации. Также в степной части Крыма стала более высокой концентрация украинского населения, приглашенного на эти территории на заключительном этапе Великой Отечественной войны. Интервал с 2001 по 2014 гг. позволил проследить изменения в расселении основных народов полуострова после смены Крымом своей политической субъектности. Для всех трех основных народов Крыма отмечается сдвиг в расселении с северо-востока на юго-запад полуострова, что соответствует общему миграционному перемещению населения региона в этот период. Часть украинского населения покинула северные районы Крыма по политическим соображениям. Крымские татары стали активно переселяться в Бахчисарайский район и на южное побережье полуострова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этническая неоднородность, индекс этнической концентрации, русские, украинцы, крымские татары

¹ Псковский государственный университет, пл. Ленина, д. 2, Псков, Россия, 180000,
e-mail: region-psk@yandex.ru

² Российский государственный гидрометеорологический университет, Институт гидрологии и океанологии, кафедра водно-технических изысканий, пр-т. Малоохтинский, д. 98, Санкт-Петербург, Россия, 195196,
e-mail: hlistgeolbv67@gmail.com

³ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, Белгород, Россия, 308015,
e-mail: liset@bsu.edu.ru

⁴ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, Белгород, Россия, 308015,
e-mail: buryak@bsu.edu.ru

Andrei G. Manakov¹, Ludmila B. Vampilova², Fedor N. Lisetskii³, Zhanna A. Buryak⁴

CARTOGRAPHIC ANALYSIS OF SHIFTS IN THE SETTLEMENT OF THE MAIN PEOPLES OF THE CRIMEA FROM 1926 TO 2014

ABSTRACT

Despite the significant cartographic elaboration of the subject related to the dynamics of the ethnic composition of the Crimean population in the 20th and early 21st centuries, there is one aspect of ethnodemographic dynamics that has been studied to a lesser extent using the cartographic method. The purpose of the study is to identify shifts in the settlement of the main peoples of Crimea (Russians, Ukrainians and Crimean Tatars) during the 20th century and the beginning of the XXI century. The entire period of cartographic research is divided into two-time intervals — from 1926 to 2001 and from 2001 to 2014. Interval from 1926 to 2001 made it possible to compare the settlement of the Crimean Tatars before deportation (1944) and after the main stage of their repatriation (1990s). By 2001, there was an increased concentration of Crimean Tatars in the northern, steppe part of the peninsula, which is explained by restrictions on their residence at the first stage of their repatriation. Also, in the steppe part of Crimea, the concentration of the Ukrainian population, invited to these territories at the final stage of the Great Patriotic War, became higher. Interval from 2001 to 2014 made it possible to trace changes in the settlement of the main peoples of the Peninsula after the Crimea changed its political subjectivity. For all three main peoples of Crimea, there is a shift in settlement from the northeast to the southwest of the peninsula, which corresponds to the general migration movement of the population of the region during this period. Part of the Ukrainian population left the northern regions of Crimea for political reasons. Crimean Tatars began to actively move to the Bakhchisaray region and to the Southern Coast of the Peninsula.

KEYWORDS: ethnic heterogeneity, ethnic concentration index, Russians, Ukrainians, Crimean Tatars

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время разработано достаточно много масштабных картографических произведений, посвященных Крыму, в т. ч. и карт, отражающих этническую структуру населения полуострова по данным разных переписей и динамику национального состава в периоды между переписями населения. В первую очередь следует отметить карту этнического состава населения Крыма, составленную по результатам переписи населения 1926 г. Если в ходе переписи населения 1897 г. учитывались язык и религиозная принадлежность жителей полуострова, то в 1926 г. впервые фиксировалась именно национальность [Сукач, Швеи, 2019].

Из современных картографических работ, где рассматривается этническая структура населения Крыма, нужно отметить сразу несколько атласов и картографических сборников. После подведения итогов переписи 2001 г. вышел «Атлас Автономной Республики Крым»

¹ Pskov State University, 2, Lenin square, Pskov, 180000, Russia, *e-mail*: region-psk@yandex.ru

² Russian State Hydrometeorological University, Institute of Hydrology and Oceanology, Department of Water Engineering Research, 98, Malookhtinskij ave., St. Petersburg, 195196, Russia, *e-mail*: histgeolbv67@gmail.com

³ Belgorod State National Research University, 85, Pobedy str., Belgorod, 308015, Russia, *e-mail*: liset@bsu.edu.ru

⁴ Belgorod State National Research University, 85, Pobedy str., Belgorod, 308015, Russia, *e-mail*: buryak@bsu.edu.ru

[2003], где были представлены этнические и конфессиональные карты в разрезе городских советов и административных районов способом картограмм и картодиаграмм. В работе А.С. Петроградской [2007] рассмотрена этническая история Крыма в таблицах, картосхемах и диаграммах по материалам переписей населения с 1897 по 2001 гг. И наконец, в 2019–2021 гг. был разработан и опубликован «Атлас социокультурных процессов в Крыму» [Сикач, Швец, 2019; Швец, Сикач, 2020; Атлас..., 2021; Воронин и др., 2021] с целым набором этнических и этнодемографических карт, значительная часть которых вошла в коллективную монографию «Социокультурная трансформация регионального развития Крыма» [2022].

Несмотря на значительную картографическую проработанность тематики, связанной с динамикой этнического состава населения Крыма в XX в. и начале XXI в., все же нужно отметить один из аспектов этнодемографической динамики, который в меньшей степени изучен с помощью картографического метода исследования. Этот аспект касается картографического отображения изменения концентрации основных народов Крыма в разрезе административно-территориальных единиц за длительные временные интервалы. Сложность такого анализа связана с различным административно-территориальным делением Крыма в разные годы, когда проводились переписи населения.

Цель исследования заключалась в выявлении пространственно-временных сдвигов в расселении основных народов Крыма (русских, украинцев и крымских татар) в течение XX в. (по итогам переписей населения 1926 и 2001 гг.) и в начале XXI в. (в период между переписями 2001 и 2014 гг.).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Информационной базой исследования послужила этническая статистика по результатам переписей населения, проводившихся на территории Крымского полуострова с 1897 по 2021 гг., и размещенная на сайтах Росстата¹, Demoskop Weekly² и Population statistics of Eastern Europe & former USSR³.

В работе применены три основных расчетных показателя, активно используемых в этнодемографии и этнической географии: индекс этнической мозаичности (ИЭМ), индекс этнической однородности (ИЭО) и индекс этнической концентрации (ИЭК).

Индекс этнической мозаичности был предложен В.В. Покшишевским более полувека назад [1969], но в полной мере был введен в научный оборот Б.М. Эккелем [1976], благодаря чему данный показатель иногда также называют «индексом Эккеля». Именно этот индекс считается наиболее удобным для проведения сравнительной характеристики уровня многонациональности регионов и количественной оценки изменения пестроты национального состава населения конкретных территорий [Дорофеева, Савоскул, 2010]. При этом индекс Эккеля рассматривается только как один из показателей, характеризующих этническую неоднородность территорий [Буфетова, Коломак, 2017]. Можно встретить и такое его название, как индекс этнической фракционализации [Буфетова и др., 2017; Васильева, Рожина, 2022], используемое в т. ч. и в западной науке [Montalvo, Reynal-Querol, 2002; Posner, 2004; Campos et al., 2011; Churchill, 2019].

С опорой на величину ИЭМ в отечественной этнической и культурной географии разработана классификация этноконтактных зон (ЭКЗ), согласно которой к неярко

¹ Росстат. Всероссийская перепись населения 2021 года. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Электронный ресурс: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения 22.01.2023).

² Demoskop Weekly. Электронный ресурс: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=2> (дата обращения 22.01.2023).

³ Population statistics of Eastern Europe & former USSR. Электронный ресурс: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения 22.01.2023).

выраженным ЭКЗ относятся административно-территориальные единицы (АТЕ) с ИЭМ от 0,2 до 0,4, к ярко выраженным ЭКЗ — с ИЭМ свыше 0,4 [Герасименко, 2018]. Обычно АТЕ с ИЭМ менее 0,2 рассматриваются как моноэтничные, но иногда предлагается считать собственно моноэтничными территории с ИЭМ менее 0,1, а АТЕ, где ИЭМ составляет от 0,1 до 0,2, считать слабо выраженными ЭКЗ [Теренина, 2022]. Территории с ИЭМ свыше 0,6 относят к наиболее полиэтничным. В работе [Швец, 2008] по причине этнической пестроты населения административных районов Крыма предложены другие количественные критерии ИЭМ для классификации районов по степени смешанности национального состава населения. По итогам переписи 2001 г. было выделено четыре группы районов:

- 1) с ИЭМ свыше 0,7 (сверхсмешанный национальный состав);
- 2) ИЭМ от 0,6 до 0,7 (сильно смешанное население);
- 3) ИЭМ от 0,4 до 0,6 (средняя смешанность населения);
- 4) ИЭМ менее 0,4 (слабо смешанное население).

Индекс этнической однородности является показателем, обратным ИЭМ ($ИЭО = 1 - ИЭМ$). В нашем исследовании он используется исключительно из соображений подбора интенсивности фоновой окраски административных районов полуострова на картах национального состава населения за 1926 и 2014 гг., т. к. сельские районы Крыма чаще всего являются полиэтничными и имеют высокий ИЭМ; соответственно, низкий ИЭО. С другой стороны, города имеют более высокий ИЭО, благодаря чему им можно задать более интенсивную окраску, чем сельским районам.

Индекс этнической концентрации. В работе [Трифорова, 2008] для анализа динамики этнической структуры населения национальных регионов России было предложено использовать коэффициент этнической концентрации, показывающий удельный вес титульного этноса, проживающего в национально-территориальном образовании, от общей численности народа, проживающего на территории страны. Данный показатель, который правильнее называть индексом этнической концентрации, был апробирован в ходе картографического анализа динамики титульных народов современных республик России по 3 временным интервалам: с 1939 по 1959 гг., с 1959 по 1989 гг., с 1989 по 2010 гг. [Манаков, 2022].

Аналогично рассчитанный показатель используется и для изучения концентрации представителей определенного этноса в конкретной административно-территориальной единице от общей его численности в пределах всего региона исследования [Manakov, 2020]. К примеру, в работе [Киселев, Петроградская, 2008] рассматривается концентрация украинцев в разных АТЕ Крыма по итогам переписей населения за более чем вековой период (с 1897 по 2001 гг.). Но в связи с различающимся административно-территориальным делением в разные годы, результаты расчета индекса концентрации в указанной статье сведены в таблицы с АТЕ соответствующего периода, а выводы строятся на основе их качественного сравнения, без использования картографического метода.

Весь период проведенного нами картографического исследования (с 1926 по 2014 гг.) разделен на два временных интервала — с 1926 по 2001 гг. и с 2001 по 2014 гг. Сравнение результатов переписей населения 1926 и 2001 гг. позволило проанализировать различия в расселении крымских татар до депортации (1944 г.) и после основного этапа их репатриации (1990-е гг.). Кроме того, интерес вызывают изменения в расселении русских и украинцев, также в значительной степени связанных с депортацией и репатриацией крымских татар. Перепись 2014 г. зафиксировала новые значительные изменения в расселении трех обозначенных народов, объясняемые в т. ч. и сменой политической

субъектности Крыма. С этим связано выделение отдельно временного интервала картографического анализа с 2001 до 2014 гг.

Картографирование проводили в программной среде ArcGIS 10.5. Векторные границы административных районов создавали в двух слоях — на периоды 1926 г. и 2001–2014 гг. Атрибутивные данные слоев границ были связаны с таблицами MS Excel, где проводили все расчетные операции. На основе этих связей была выполнена картографическая визуализация параметров индексов этнической однородности и концентрации населения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Изменение национального состава населения и индекса этнической мозаичности Крыма с 1897 до 2021 гг. Изучение динамики этнической структуры населения Крыма с 1897 по 2014 гг., с расчетом индекса этнической мозаичности и индекса этнической поляризации было предпринято нами в работе [Манаков, Вампилова, 2023]. Соотношение удельного веса основных этнических сообществ Крыма и результаты расчета индекса этнической мозаичности с 1897 по 2021 гг. представлены в табл. 1.

Новое исследование проблемных вопросов статистического учета крымского населения [Конкин, 2022] показало, что несмотря на основной эмиграционный поток крымских татар, который относится к дороссийскому периоду истории Крыма (до 1783 г.), в 1850 г. численность крымских татар достигла 267,4 тыс. чел. Это составило 77,8 % от общей численности населения Крыма, тогда как в 1783 г. в Крыму проживало около 115 тыс. чел. — главным образом крымских татар. Согласно итогам переписи 1926 г., численность крымских татар по сравнению с 1850 г. снизилась в 1,5 р. Соответственно, в этой же пропорции сократился потенциал внутрирегиональной миграции этого народа.

Если следовать классификации регионов на основании величины индекса этнической мозаичности, принятой в отечественной этнической и культурной географии, то Крым вплоть до 1944 г. (т. е. до депортации крымских татар) был одним из наиболее полиэтничных регионов страны. Но и после этого Крымский регион, сохранявший высокий ИЭМ вплоть до переписи 2021 г., можно было отнести к ярко выраженным ЭКЗ (с ИЭМ от 0,4 до 0,6). Репатриация крымских татар в 90-е гг. XX в. несколько повысила ИЭМ, но в связи с резким сокращением доли украинцев, начиная с 2014 г. происходит уменьшение ИЭМ, и по переписи 2021 г. этот показатель стал менее 0,4, т. е. пересек формальную границу, разделяющую ярко- и средневыраженные ЭКЗ.

Этнические карты Крыма в 1926 и 2014 гг. Согласно переписи населения 1926 г., в Крыму насчитывалось 576 населенных пунктов с преобладанием татарского населения (татары, крымские татары и др.), что составляло 22 % от общего количества поселений, как сельских, так и городских, причем в 96 % из них татарское население составляло более половины всех жителей. Моноэтнических татарских населенных пунктов, где их доля более 80 %, насчитывалось 443, что составляло 17 % от общего количества поселений Крыма.

Сравнение карт по данным 1926 г. (рис. 1) и 2014 г. (рис. 2) позволяет сделать вывод о росте за прошедший период величины показателя этнической однородности большинства АТЕ полуострова, за исключением Бахчисарайского района. Повышенный индекс этнической однородности этого района в 1926 г. был связан с высоким удельным весом в его этнической структуре крымских татар. Доля крымских татар также была высока в Судакском, Ялтинском и Севастопольском (без городов) районах. На карте 1926 г. можно увидеть наиболее высокую концентрацию крымских татар в южной, особенно прибрежной, части полуострова. Анализ карты на 2014 г. показывает, что доля крымских татар повышена в северной степной части Крымского полуострова. Карты 1926 и 2014 гг. отражают

территориальные особенности расселения других народов Крыма, в первую очередь русских и украинцев.

Исследователи обычно обращают внимание на концентрацию украинцев в северных районах полуострова, а русских — в крупных городах [Баранов, 2018; Сикач, Швеиц, 2019]. Однако, судя по карте 1926 г., вышеуказанные особенности расселения двух народов не выглядят столь очевидными.

Табл. 1. Динамика численности и доли русских, украинцев и крымских татар в Крыму, изменение индекса этнической мозаичности с 1897 по 2021 гг.

Table 1. Dynamics of the number and share of Russians, Ukrainians and Crimean Tatars in Crimea, change in the ethnic mosaic index from 1897 to 2021

Год	Численность, тыс. чел.						Доля от числа указавших национальность, %				ИЭМ
	все население	в т. ч. указало национальность	русские	украинцы	крымские татары	другие национальности	русские	украинцы	крымские татары	другие национальности	
1897	546,6	546,6	181,0	64,7	194,3	106,6	33,1	11,8	35,6	19,5	0,748
1926	713,8	706,8	301,4	77,4	179,1	148,9	42,65	10,95	25,3	21,1	0,738
1939	1126,4	1126,1	558,5	154,1	218,9	194,6	49,6	13,7	19,4	17,3	0,694
1959	1201,5	1201,5	858,3	267,7	0,4	75,2	71,4	22,3	0,035	6,25	0,440
1970	1813,5	1813,5	1220,5	480,7	2,1	110,2	67,3	26,5	0,1	6,1	0,476
1979	2135,9	2135,9	1461,0	547,3	5,4	122,1	68,4	25,63	0,25	5,7	0,466
1989	2458,7	2430,5	1629,5	625,9	38,4	136,7	67,05	25,75	1,6	5,6	0,484
2001	2401,2	2390,3	1450,4	576,6	245,3	118,0	60,7	24,1	10,3	4,9	0,563
2014	2284,8	2197,6	1492,1	344,5	232,3	128,6	67,9	15,7	10,6	5,8	0,503
2021	2482,5	2232,7	1706,7	171,2	253,6	101,3	76,4	7,7	11,4	4,5	0,397

Сравнение этнических карт по данным 1926 и 2014 гг. свидетельствует о значительных сдвигах в расселении основных народов Крыма (русских, украинцев и крымских татар) за 88 лет между учетными датами. Как было отмечено выше, для картографического анализа этнотерриториальных сдвигов этот период был разделен на два временных интервала — с 1926 по 2001 гг. и с 2001 по 2014 гг. По итогам переписей населения 1926, 2001 и 2014 гг. были рассчитаны индексы концентрации русских, украинцев и крымских татар в АТЕ Крыма. Далее был произведен расчет изменения индексов концентрации за два обозначенных временных интервала, для чего предварительно была осуществлена привязка схем АТЕ 1926 и 2001–2014 гг. По итогам расчетов были составлены карты динамики индексов концентрации для каждого из трех народов, анализ которых представлен ниже.

Русские. В период с 1926 по 2001 гг. концентрация русских повысилась в ряде городов и районов в южной части Крыма (города Алушта, Судак, Симферополь, Бахчисарайский район), а также на западе полуострова (города Евпатория, Саки, Сакский район) и в г. Керчь (рис. 3). В центре и на севере полуострова концентрация русского населения немного возросла в Красногвардейском районе и в г. Саки. В целом же наблюдается значительное уменьшение концентрации русских в восточных, северных, ряде центральных районов, а также в городах Севастополе и Ялте. Очевидно, что эти изменения связаны со сдвигами в расселении других народов, и их интерпретация будет представлена ниже.

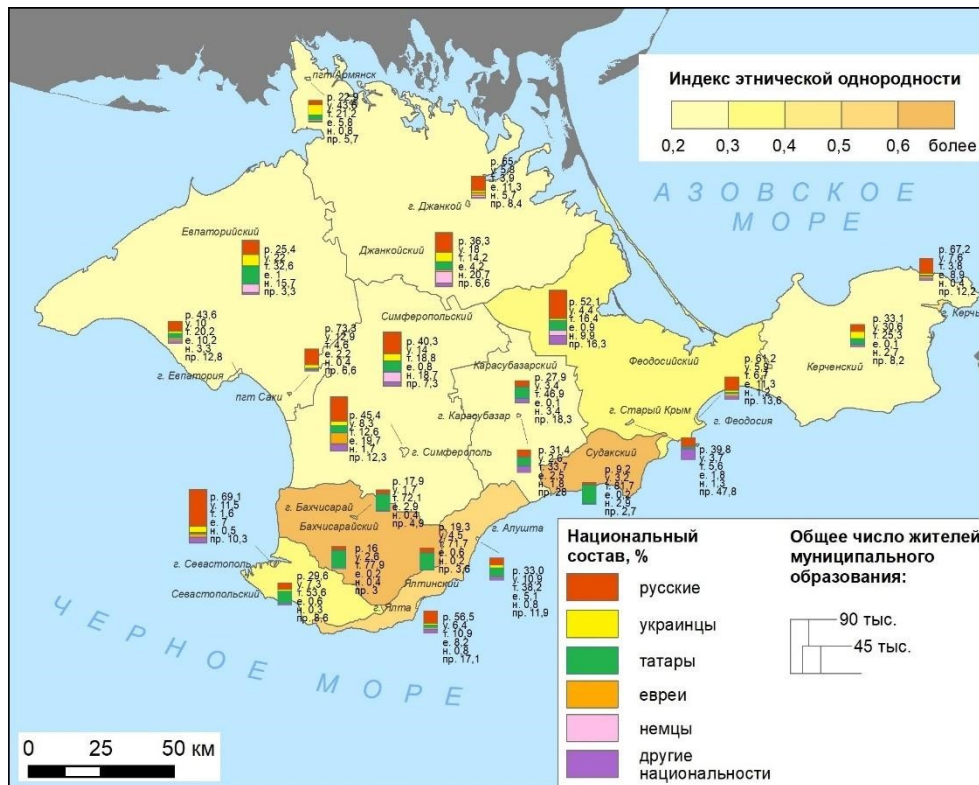

Рис. 1. Национальный состав населения городов и районов Крыма в 1926 г.
Fig. 1. The national composition of the population of cities and regions of Crimea in 1926

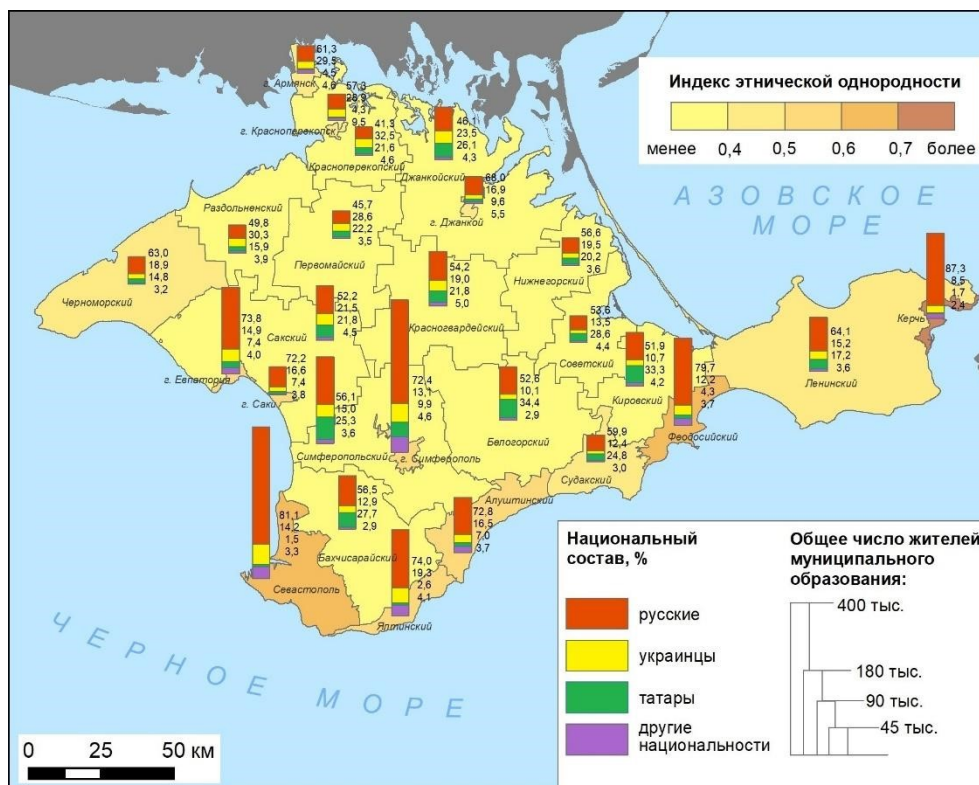

Рис. 2. Национальный состав населения городов и районов Крыма в 2014 г.
Fig. 2. The national composition of the population of cities and regions of Crimea in 2014

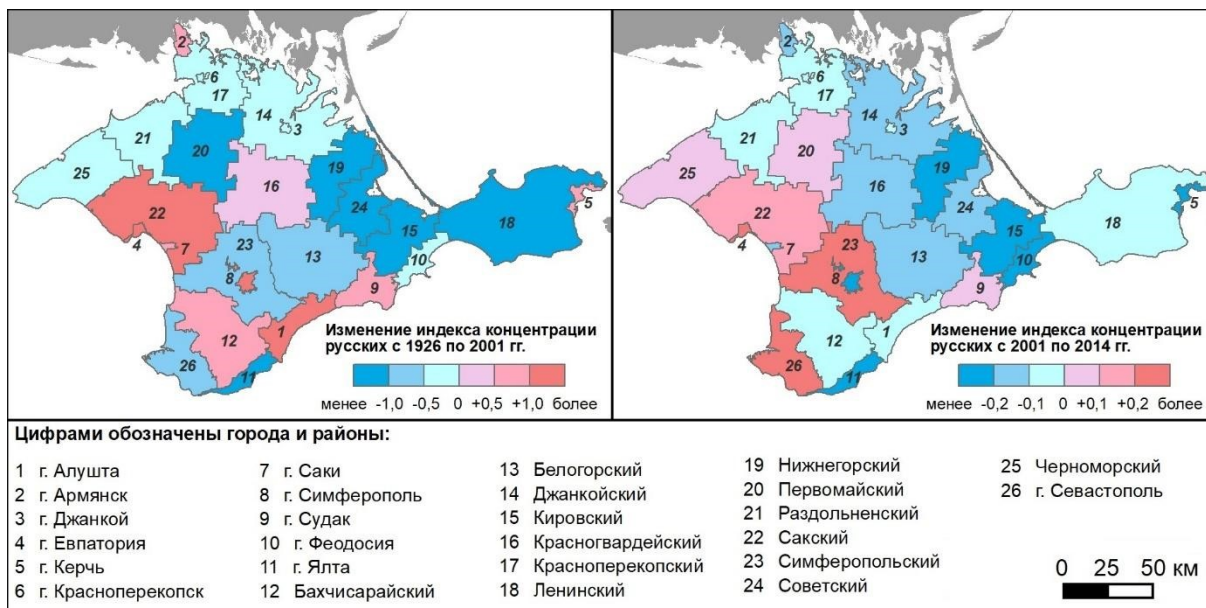

Рис. 3. Изменение индекса концентрации русского населения в городах и районах Крыма с 1926 по 2001 гг. (в современных границах) и с 2001 по 2014 гг.

Fig. 3. Change in the concentration index of the Russian population in the cities and regions of Crimea from 1926 to 2001 (within modern borders) and from 2001 to 2014

В период с 2001 по 2014 гг. концентрация русских повысилась в первую очередь в западных районах и городах полуострова, в т. ч. в городах Севастополе, Евпатории, Симферопольском, Сакском и других районах. Чтобы интерпретировать изменение индекса концентрации русских в АТЕ Крыма в этот период, обратим внимание на ряд карт, которые представлены в «Атласе социокультурных процессов в Крыму» [2021, с. 83], где отслеживается динамика численности русских, украинцев и крымских татар с 1979 по 2014 гг. в виде картодиаграмм, а качественный фон карт показывает долю этих народов в этнической структуре населения АТЕ на 2014 г. Однако выбранный метод картодиаграмм не позволяет проследить сдвиги в расселении обозначенных народов за этот период. С другой стороны, в том же атласе и в коллективной монографии [Социокультурная..., 2022] представлена карта миграционного движения населения Крыма с 2002 по 2016 гг. [Атлас..., 2021, с. 64; Воронин и др., 2022, с. 59], которая свидетельствует о заметном сдвиге населения полуострова в этот период в направлении с северо-востока на юго-запад. Карта динамики индекса концентрации русских в период с 2001 по 2014 гг. отображает аналогичный сдвиг, что свидетельствует о ключевой роли русского населения в формировании отмеченных миграционных потоков.

Украинцы. В период с 1926 по 2001 гг. доля украинцев в населении Крыма увеличилась с 11 до 24,1 %. Их концентрация выросла в большинстве городов и на южном побережье Крыма, а также в ряде районов, тянувшихся полосой от севера до юго-востока полуострова. В этот период концентрация украинцев снизилась на восточной и западной оконечностях Крымского полуострова (рис. 4). Эти сдвиги в расселении украинцев связываются с периодом Великой Отечественной войны. Известно, что после депортации крымских татар началось массовое переселение на полуостров украинского населения в соответствии с Постановлением Государственного комитета обороны от 12 августа 1944 г. «О переселении колхозников в районы Крыма» [Узнародов, 2022]. Вместе с выходцами из разных областей Украинской ССР, на Крым переезжало и население из ряда регионов

РСФСР (Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской, Воронежской, Брянской, Курской и других областей) [Конониренко, 2017, с. 59].

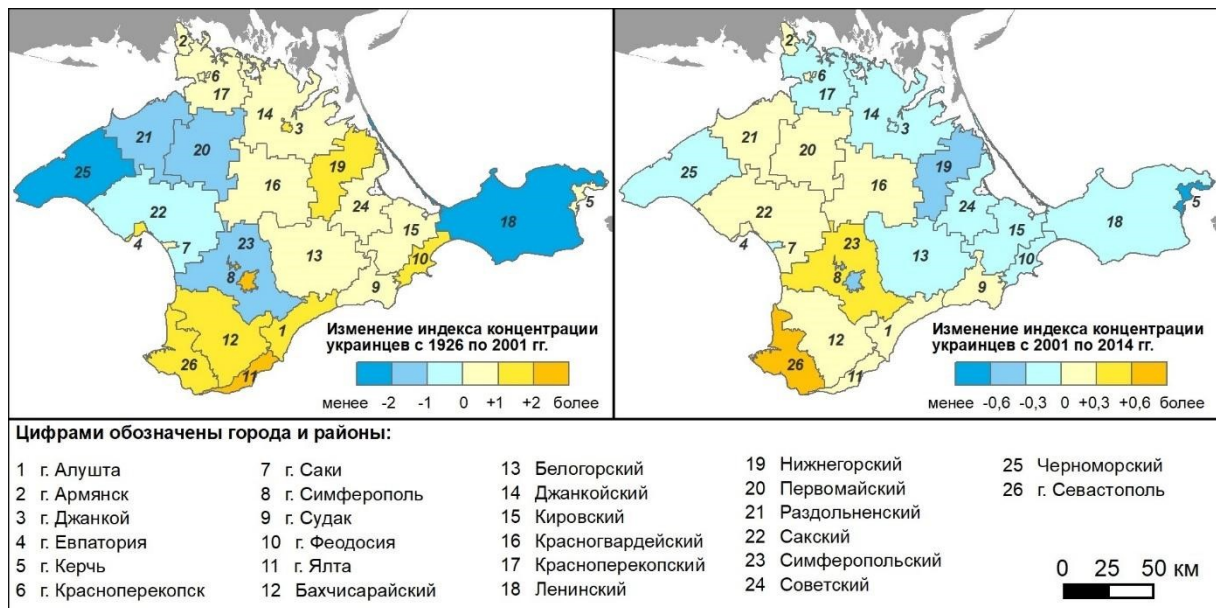

Рис. 4. Изменение индекса концентрации украинского населения в городах и районах Крыма с 1926 по 2001 гг. (в современных границах) и с 2001 по 2014 гг.

Fig. 4. Change in the concentration index of the Ukrainian population in the cities and regions of Crimea from 1926 to 2001 (within modern borders) and from 2001 to 2014

С 2001 по 2014 гг. произошло полуторакартное падение доли украинцев в Крыму, причем в дальнейшем (до переписи 2021 г.) наблюдалось еще более значительное сокращение их удельного веса. Большинство исследователей объясняет такой резкий спад сменой этнической идентичности украинцев в пользу русских, начиная с 2014 г. Это относится к части населения Крыма, называемой «биэтноры», которым присуща биэтническая русско-украинская идентичность. Если в период с 1991 по 2001 г. за счет этой категории жителей формально пополнялось украинское население полуострова, то с 2014 г. начался обратный «переход» идентичности от украинцев к русским [Баранов, 2018, с. 353; Сикач, Швеиц, 2019, с. 218; Киселева и др., 2022, с. 63].

Если в работах, посвященных обзору итогов переписи населения 2001 г., была указана максимальная доля украинцев в северных районах Крыма [Киселева, Петроградская, 2008; Баранов, 2018], то в период с 2001 по 2014 гг. произошло значительное уменьшение концентрации украинцев на северо-востоке полуострова и явный сдвиг их расселения в юго-западном направлении, частично повторяющий и передвижение русского населения. Вместе со сменой идентичности украинцев признается и небольшой их отток за пределы Крымского полуострова [Киселева и др., 2022, с. 63]. Имеется и такая точка зрения, что снижение численности украинцев в северных районах Крыма объясняется преимущественно их миграциями с этих территорий, являющихся реакцией части украинцев на события «Крымской весны» 2014 г. [Uz narodov, 2021].

Крымские татары. В период с 1926 по 2001 гг. концентрация крымских татар значительно повысилась в северной части полуострова, в то же время сильно сократилась на юге (в Севастополе, Ялте, Бахчисарайском районе) и в меньшей степени — на восточной и западной периферии Крымского полуострова (рис. 5). До депортации 1944 г. основной ареал расселения крымских татар охватывал юг предгорной полосы и южный берег Крыма.

Об этом же свидетельствуют и исторические названия тюркской этимологии, которые в большинстве своем сохранили реки Южного берега Крыма [Лисецкий, Буряк, 2022]. Разные исследователи [Кульпин-Губайдуллин, 2013; Баранов, 2020, с. 229] обращают внимание на то, что в 1920–1930-х гг. еще шел процесс формирования крымских татар как единого народа, и при этом сохранялась заметная обособленность трех основных субэтнических групп крымских татар: степных, предгорных и южнобережных.

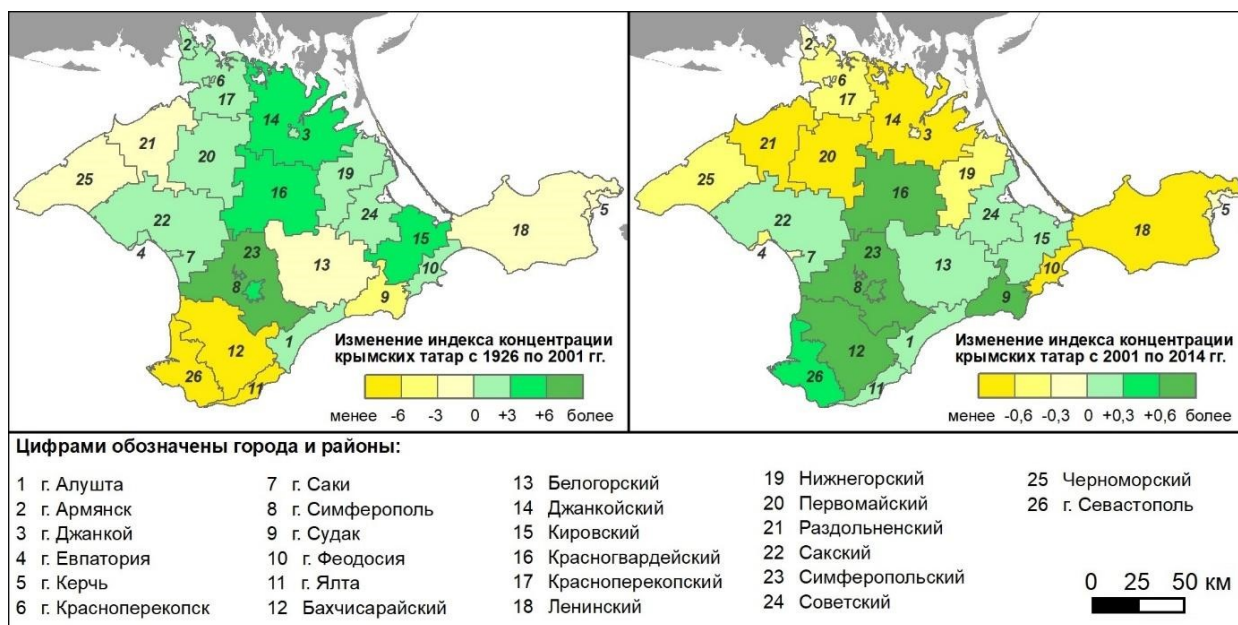

Рис. 5. Изменение индекса концентрации крымских татар в городах и районах Крыма с 1926 по 2001 гг. (в современных границах) и с 2001 по 2014 гг.

Fig. 5. Changes in the concentration index of Crimean Tatars in the cities and regions of Crimea from 1926 to 2001 (within modern borders) and from 2001 to 2014

В основной период репатриации крымских татар, который пришелся на 90-е гг. XX в., география расселения крымских татар на полуострове заметно отличалась от сложившейся до 1944 г. До середины 1990-х гг. существовали территориальные ограничения на проживание крымских татар, и основной поток переселенцев первоначально был направлен в степные и предгорные районы полуострова [Баранов, 2020]. В последующем стало наблюдаться расширение ареала проживания крымских татар за счет г. Симферополя, Симферопольского и Бахчисарайского районов, г. Севастополя и курортных городов на южном побережье Крыма [Баранов, 2018].

Именно такой сдвиг в расселении крымских татар между переписями 2001 и 2014 гг. отображен на карте динамики концентрации данного народа в соответствующий период. Заметно уменьшилась концентрация крымских татар в северной и восточной частях полуострова. Таким образом, ареал расселения крымских татар стал приближаться к их первоначальному расселению до депортации 1944 г. Однако этот ареал сохраняет сформировавшийся после репатриации значительный массив сельских районов в северной части полуострова, объясняемый существующими до середины 90-х гг. XX в. ограничениями на проживание крымских татар на территории Крыма [Баранов, 2020, с. 233]. Эти же выводы подтверждают и другие исследователи [Швец, 2008; Сикач, Швец,

2019; Киселева и др., 2022, с. 67–68]. Как отмечают эти авторы, крымские татары в период конца XX в. – начала XXI в. стремились занять те ландшафты, которые этнос традиционно считает наиболее комфортными в климатическом и гидрографическом отношении — северные предгорья и южнобережье. При этом они смогли осуществить частичное перемещение из степных районов Крыма, куда они были направлены в начальный период репатриации, на предгорные и горно-приморские территории.

ВЫВОДЫ

Благодаря проведенному картографическому анализу изменения индекса концентрации трех основных народов Крыма (русских, украинцев и крымских татар) в периоды между переписями населения 1926, 2001 и 2014 гг. в разрезе административно-территориальных единиц были выявлены основные направления сдвигов в расселении этих народов, произошедшие в течение XX в. и начале XXI в.

Сдвиги в расселении русских в период с 1926 по 2001 гг. были направлены с северных и внутренних районов полуострова преимущественно в города западного и южного побережья Крыма, а также в Бахчисарайский район, т. е. в основном на территории наибольшей концентрации крымских татар до их депортации в 1944 г. Повышение концентрации русских в период с 2001 по 2014 гг. на юго-западе полуострова объясняется общим миграционным перемещением населения региона, в значительной мере связанным с изменением политического статуса Крыма в 2014 г.

Повышение концентрации украинцев в период с 1926 по 2001 гг. происходило как на южном побережье Крыма, так и в северо-восточных, степных районах полуострова. Если первое направление перемещения объясняется теми же причинами, что и в случае с русским населением, то второе направление связано с заселением степных районов полуострова в соответствии с Постановлением Государственного комитета обороны от 12 августа 1944 г. «О переселении колхозников в районы Крыма». В период с 2001 по 2014 гг. наблюдался рост концентрации украинцев, как и русского населения, в юго-западной части полуострова. При этом некоторые исследователи отмечают частичный миграционный отток украинцев с северо-востока полуострова за его пределы в 2014 г. по политическим соображениям.

По данным 2001 г., если их сравнивать со статистикой переписи 1926 г., отмечается повышенная концентрация крымских татар в северной, степной части полуострова. Данное смещение в ареале расселения крымских татар по сравнению с периодом до их депортации (1944 г.) объясняется введенными ограничениями в их расселении на первом этапе их репатриации (до середины 1990-х гг.). В период 2001–2014 гг. произошла значительная миграция крымских татар в южную, в т. ч. прибрежную, часть полуострова, и особенно — на его крайний юго-запад, включая Бахчисарайский район, города Севастополь и Ялту.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (в рамках проекта «Геоинформационная система „Этноархеология и этнодемография Крымского полуострова“» (id 49228)).

ACKNOWLEDGMENTS

The study was supported by the All-Russian public organization “Russian Geographical Society” (within the framework of the project “Geoinformation system ‘Ethnoarchaeology and ethnodemography of the Crimean Peninsula’” (id 49228)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атлас Автономной Республики Крым. Киев–Симферополь: Институт передовых технологий, 2003. 32 с.

Атлас социокультурных процессов в Крыму. Симферополь: Ариал, 2021. 196 с.

Баранов А.В. Изменения этнической структуры населения Крыма в постсоветский период: дрейф идентичностей и миграционные процессы. *Геополитика и экогеодинамика регионов*, 2018. Т. 4 (14). Вып. 3. С. 351–360.

Баранов А.В. Изменения географии расселения крымских татар и их политические последствия (1926–2014 гг.). *Вестник Краснодарского регионального отделения Русского географического общества*. Вып. 10. Краснодар: И. Платонов, 2020. С. 227–235.

Буфетова А.Н., Коломак Е.А. Национальная неоднородность в регионах России. *ЭКО*, 2017. № 4. С. 110–123.

Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Михалева М.М. Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России. *Мир экономики и управления*, 2017. Т. 17. № 3. С. 143–157. DOI: 10.25205/2542-0429-2017-17-3-143-157.

Васильева Р.И., Рожина Е.А. Эконометрическое моделирование влияния этнического разнообразия на экономическую диверсификацию: анализ регионов России. *Journal of Applied Economic Research*, 2022. Т. 21. № 4. С. 663–684. DOI: 10.15826/vestnik.2022.21.4.023.

Воронин И.Н., Сахнова Н.С., Сазонова Г.В., Сикач К.Ю. Особенности крымской геодемографической ситуации. Социокультурная трансформация регионального развития Крыма. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 53–62.

Воронин И.Н., Сикач К.Ю., Сазонова Г.В., Швец А.Б. Картографирование трансформационных процессов в этнодемографическом пространстве Крыма. *ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий: Материалы Междунар. конф.* М.: Географический факультет МГУ, 2021. Т. 27. Ч. 4. С. 273–291. DOI: 10.35595/2414-9179-2021-4-27-273-291.

Герасименко Т.И. Этноконтактные зоны в геокультурном пространстве России. *Гуманитарный вектор*, 2018. Т. 13. № 2. С. 152–161. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-2-152-161.

Дорофеева Д.Ю., Савоскул М.С. Изменение этнической мозаичности регионов России. *Этническая демография. Сборник статей*. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 72–93.

Киселева Н.В., Сикач К.Ю., Швец А.Б. Этнокультурные характеристики Крыма. Социокультурная трансформация регионального развития Крыма. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 62–75.

Киселев С.Н., Петроградская А.С. Динамика численности и расселения украинцев в Крыму, по данным всеобщих переписей населения XIX–XXI вв. *Геополитика и экогеодинамика регионов*, 2008. Т. 4. Вып. 1–2. С. 85–94.

Конкин Д.В. К вопросу о населении Крыма в конце XVIII – начале XIX вв. и первой волне крымско-татарской эмиграции. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Выпуск XXVII, 2022. С. 628–647. DOI: 10.29039/2413-189X.2022.27.628-647.

Коновниренко В.А. Переселение колхозников из России и Украины на постдепортационные территории Крыма в 1944–1953 годы. *Известия Саратовского университета. Новая серия: История. Международные отношения*, 2017. Вып. 1. С. 59–63.

Кульпин-Губайдуллин Э.С. Крымские татары: уникальность трансформации этноса в XX в. Этничность и власть: коллективная память и технологии конструирования идентичности. Материалы XII Международного семинара 20–25 мая 2013. Севастополь: Вебер, 2013. С. 185–188.

Лицецкий Ф.Н., Буряк Ж.А. Картографическая модель трансформации гидронимов Крыма. Региональные геосистемы, 2022. № 46 (3). С. 378–397. DOI: 10.52575/2712-7443-2022-46-3-378-397.

Манаков А.Г. Титульные народы республик России: этнодемографические тренды с 1939 года. Псковский регионологический журнал, 2022. Т. 18. № 2. С. 43–64. DOI: 10.37490/S221979310019231-7.

Манаков А.Г., Вампилова Л.Б. Оценка степени неоднородности этнической структуры населения Крыма с 1897 по 2014 гг. Псковский регионологический журнал, 2023. Т. 19. № 1. С. 113–128. DOI: 10.37490/S221979310023933-9.

Петроградская А.С. Этническая история Крыма в таблицах, картосхемах и диаграммах (по данным переписей населения): информационно-справочное пособие. Симферополь: Антиква, 2007. 20 с.

Покшишевский В.В. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения. Советская этнография, 1969. № 5. С. 3–15.

Сикач К.Ю., Швец А.Б. Картографирование этнического пространства Крыма. Геополитика и экогеодинамика регионов, 2019. Т. 5 (15). № 3. С. 211–222.

Социокультурная трансформация регионального развития Крыма. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. 218 с.

Теренина Н.К. Индекс этнической контактности как инструмент изучения территорий со смешанным национальным составом населения. Псковский регионологический журнал, 2022. Т. 18. № 1. С. 101–116. DOI: 10.37490/S221979310018427-2.

Трифоновна З.А. Расселение этнических групп в России (1926–2002). Вестник Московского университета. Серия 5. География, 2008. № 2. С. 62–67.

Узнародов Д.И. Этнические меньшинства Крыма в XX – начале XXI века: специфика демографических трансформаций. Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки, 2022. № 2 (214). С. 60–67. DOI: 10.18522/2687-0770-2022-2-60-67.

Швец А.Б. Особенности взаимодействия доминирующих этносов в культурных ландшафтах современного Крыма. Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: География, 2008. Т. 21. № 3. С. 393–399.

Швец А.Б., Сикач К.Ю. Новая реальность этнического пространства в российском Крыму. Геополитика и экогеодинамика регионов, 2020. Т. 6 (16). Вып. 3. С. 301–313.

Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР. Советская этнография, 1976. № 2. С. 33–39.

Campos N., Saleh A., Kuzeyev V. Dynamic ethnic fractionalization and economic growth. Journal of International Trade and Economic, 2011. V. 20. P. 129–152.

Churchill S.A. Income and ethnic fractionalisation: evidence from British microdata. Economic Issues, 2019. V. 24. Part 1. P. 21–34. Web resource: http://www.economicissues.org.uk/Files/2019/EI_March2019_churchill.pdf (accessed 01.02.2023).

Manakov A.G. Main trends in the transformation of the ethnic space of the Central Asian

macroregion from 1897 to 2017. *Regional Research of Russia*, 2020. V. 10. No. 4. P. 574–582. DOI: 10.1134/S2079970520040176.

Montalvo J., Reynal-Querol M. Why ethnic fractionalization? Polarization, ethnic conflict and growth, 2002. UPF Working Paper No. 660. Web resource: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=394926 (accessed 01.02.2023).

Posner D.N. Measuring ethnic fractionalization in Africa. *American Journal of Political Science*, 2004. V. 48. No. 4. P. 849–863.

Uznanodov D. Ukrainian population of Crimea in 1989–2014: Specifics of demographic transformations. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*, 2021. No. 2 (26). P. 78–84. DOI: 10.23947/2414-1143-2021-26-2-78-84.

REFERENCES

Atlas of the Autonomous Republic of Crimea. Kyiv–Simferopol: CJSC “Institute of advanced technologies”, 2003. 32 p. (in Russian).

Atlas of socio-cultural processes in the Crimea. Simferopol: Publishing house Typography “ARIAL”, 2021. 196 p. (in Russian).

Baranov A.V. Changes in the ethnic structure of the Crimean population in the post-Soviet period: Identity drift and migration processes. *Geopolitics and ecogeodynamics of regions*, 2018. V. 4 (14). Iss. 3. P. 351–360 (in Russian).

Baranov A.V. Changes in the geography of the settlement of the Crimean Tatars and their political consequences (1926–2014). *Bulletin of the Krasnodar Regional Branch of the Russian Geographical Society*. Iss. 10. Krasnodar: I. Platonov, 2020. P. 227–235 (in Russian).

Bufetova A.N., Kolomak E.A. National heterogeneity in the regions of Russia. *ECO*, 2017. No. 4. P. 110–123 (in Russian).

Bufetova A.N., Kolomak E.A., Mikhaleva M.M. National diversity and economic development of Russian regions. *World of Economics and Management*, 2017. V. 17. No. 3. P. 143–157 (in Russian). DOI: 10.25205/2542-0429-2017-17-3-143-157.

Campos N., Saleh A., Kuzeyev V. Dynamic ethnic fractionalization and economic growth. *Journal of International Trade and Economic*, 2011. V. 20. P. 129–152.

Churchill S.A. Income and ethnic fractionalisation: Evidence from British microdata. *Economic Issues*, 2019. V. 24. Part 1. P. 21–34. Web resource: http://www.economicissues.org.uk/Files/2019/EI_March2019_churchill.pdf (accessed 01.02.2023).

Dorofeeva D.Yu., Savoskul M.S. Changes in the ethnic mosaic of Russian regions. *Ethnic Demographics*. Collection of articles. Moscow: MAKS Press, 2010. P. 72–93 (in Russian).

Ekkel B.M. Determination of the mosaic index of the national composition of the republics, territories and regions of the USSR. *Soviet Ethnography*, 1976. No. 2. P. 33–39 (in Russian).

Gerasimenko T.I. Ethnocontact zones in the geocultural space of Russia. *Humanitarian Vector*, 2018. V. 13. No. 2. P. 152–161 (in Russian). DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-2-152-161.

Kiselev S.N., Petrogradskaya A.S. Dynamics of the number and settlement of Ukrainians in Crimea, according to the data of the general population censuses of the 19th–21st centuries. *Geopolitics and ecogeodynamics of regions*, 2008. V. 4. Iss. 1–2. P. 85–94 (in Russian).

Kiseleva N.V., Sikach K.Yu., Shvets A.B. Ethnocultural characteristics of the Crimea. Socio-cultural transformation of the regional development of the Crimea. Simferopol: Publishing house Typography “ARIAL”, 2022. P. 62–75 (in Russian).

- Konkin D.V.* On the issue of the Crimean population in the late 18th – early 19th centuries and the first wave of the Crimean Tatar emigration. Materials on Archeology, History and Ethnography of Tavria, 2022. Iss. XXVII. P. 628–647 (in Russian). DOI: 10.29039/2413-189X.2022.27.628-647.
- Kononirenko V.A.* Resettlement of collective farmers from Russia and Ukraine to the post-deportation territories of Crimea in 1944–1953. News of the Saratov University. New series: History. International relationships, 2017. Iss. 1. P. 59–63 (in Russian).
- Kulpin-Gubaidullin E.S.* Crimean Tatars: the uniqueness of the transformation of the ethnic group in the twentieth century. Ethnicity and Power: Collective Memory and Identity Construction Technologies. Proceedings of the XII Intern. Seminar May 20–25, 2013. Sevastopol: Weber, 2013. P. 185–188 (in Russian).
- Lisetskii F.N., Buryak Zh.A.* Cartographic model for the transformation of Crimean hydronyms. Regional Geosystems, 2022. No. 46 (3). P. 378–397 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7443-2022-46-3-378-397.
- Manakov A.G.* Main trends in the transformation of the ethnic space of the Central Asian macroregion from 1897 to 2017. Regional Research of Russia, 2020. V. 10. No. 4. P. 574–582. DOI: 10.1134/S2079970520040176.
- Manakov A.G.* Title peoples of the republics of Russia: ethno-demographic trends since 1939. Pskov Journal of Regional Studies, 2022. V. 18. No. 2. P. 43–64 (in Russian). DOI: 10.37490/S221979310019231-7.
- Manakov A.G., Vampilova L.B.* Assessment of the degree of heterogeneity of the ethnic structure of the population of the Crimea from 1897 to 2014. Pskov Journal of Regional Studies, 2023. V. 19. No. 1. P. 113–128 (in Russian). DOI: 10.37490/S221979310023933-9.
- Montalvo J., Reynal-Querol M.* Why ethnic fractionalization? Polarization, ethnic conflict and growth, 2002. UPF Working Paper No. 660. Web resource: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=394926 (accessed 01.02.2023).
- Petrogradskaya A.S.* Ethnic history of Crimea in tables, maps and diagrams (according to population censuses): Information and reference manual. Simferopol: Antikva, 2007. 20 p. (in Russian).
- Pokshishevsky V.V.* Ethnic processes in the cities of the USSR and some problems of their study. Soviet Ethnography, 1969. No. 5. P. 3–15 (in Russian).
- Posner D.N.* Measuring ethnic fractionalization in Africa. American Journal of Political Science, 2004. V. 48. No. 4. P. 849–863.
- Shvets A.B.* Features of the interaction of the dominant ethnic groups in the cultural landscapes of modern Crimea. Scientific notes of the V.I. Vernadsky Taurida National University. Series: Geography, 2008. V. 21. No. 3. P. 393–399 (in Russian).
- Shvets A.B., Sikach K.Yu.* The new reality of the ethnic space in the Russian Crimea. Geopolitics and ecogeodynamics of regions, 2020. V. 6 (16). Iss. 3. P. 301–313 (in Russian).
- Sikach K.Yu., Shvets A.B.* Mapping the ethnic space of the Crimea. Geopolitics and ecogeodynamics of regions, 2019. V. 5 (15). No. 3. P. 211–222 (in Russian).
- Socio-cultural transformation of the regional development of the Crimea. Simferopol: Publishing house Typography “ARIAL”, 2022. 218 p. (in Russian).
- Terenina N.K.* Ethnic contact index as a tool for studying territories with a mixed national composition of the population. Pskov Journal of Regional Studies, 2022. V. 18. No. 1. P. 101–116 (in Russian). DOI: 10.37490/S221979310018427-2.

Trifonova Z.A. Settlement of ethnic groups in Russia (1926–2002). Moscow University Bulletin. Series 5. Geography, 2008. No. 2. P. 62–67 (in Russian).

Uznanodov D. Ukrainian population of Crimea in 1989–2014: Specifics of demographic transformations. Science Almanac of Black Sea Region Countries, 2021. No. 2 (26). P. 78–84. DOI: 10.23947/2414-1143-2021-26-2-78-84.

Uznanodov D.I. Ethnic Minorities of Crimea in the 20th – early 21st centuries: the specifics of demographic transformations. News of Higher Educational Institutions. North Caucasian Region. Social Sciences, 2022. No. 2 (214). P. 60–67 (in Russian). DOI: 10.18522/2687-0770-2022-2-60-67.

Vasilyeva R.I., Rozhina E.A. Econometric modeling of the impact of ethnic diversity on economic diversification: an analysis of Russian regions. Journal of Applied Economic Research, 2022. V. 21. No. 4. P. 663–684 (in Russian). DOI: 10.15826/vestnik.2022.21.4.023.

Voronin I.N., Sakhnova N.S., Sazonova G.V., Sikach K.Yu. Peculiarities of the Crimean geodemographic situation. Socio-cultural transformation of the regional development of the Crimea. Simferopol: Publishing house Typography “ARIAL”, 2022. P. 53–62 (in Russian).

Voronin I.N., Sikach K.Yu., Sazonova G.V., Shvets A.B. Mapping of transformational processes in the ethno-demographic space of the Crimea. InterCarto. InterGIS. GI support of sustainable development of territories: Proceedings of the International conference. Moscow: MSU, Faculty of Geography, 2021. V. 27. No. 4. P. 273–291 (in Russian). DOI:10.35595/2414-9179-2021-4-27-273-291.
